

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 1 (075.8)

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-1-179-184

Китайская музыкальная культура в государственной образовательной политике КНР

Аотгенхуар, Сум Бэр, Калинина Г.Н.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308000, Белгород, ул. Королева, 7

E-mail: galakalinina@inbox.ru; 阿丹 <our.story-adafeng@qq.com>

Аннотация. Музыкальная культура Китая с древности впитывала в себя базовые культурные концепты и культурные универсалии (время и пространство, познание и вера, жизнь и смерть, семья и власть, добро и зло и др.), связанные с трактовкой миссии человека в мире. Все эти концепты и образы воплощают национальную парадигму бытия человека и общества, в том числе и в многонациональном пространстве современного Китая, включая область Внутренней Монголии, вобравшую древнюю культуру степных кочевников. В статье отмечается, что пристальное внимание к национальной музыкальной культуре в ее народных формах будет плодотворно для межкультурного диалога, поддержания тона и творческого интереса современных китайских и монгольских музыкантов к народным традициям, которые в форме чувственных образов воплощены в музыке.

Ключевые слова: творчество, традиция, новация, китайская музыка, китайская исполнительская культура.

Для цитирования: Аотгенхуар, Сум Бэр, Калинина Г.Н. 2021. Китайская музыкальная культура в государственной образовательной политике КНР. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 46 (1): 179–184. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-179-184

Chinese music culture in the state educational policy of the people's Republic of China

Aotgenhuar, Sum Baer, Kalinina G.N.

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva str., Belgorod, 308000, Russia

E-mail: galakalinina@inbox.ru; 阿丹 <our.story-adafeng@qq.com>

Abstract. Since ancient times, the musical culture of China has absorbed the basic cultural concepts and cultural universals (time and space, knowledge and faith, life and death, family and power, good and evil, etc.) associated with the interpretation of the human mission in the world. All these concepts and images embody the national paradigm of human and social existence, including in the multinational space of modern China, including the region of Inner Mongolia, which has absorbed the ancient culture of steppe nomads. The article notes that close attention to the national musical culture in its folk forms will be fruitful for cross-cultural dialogue, maintaining the tone and creative interest of modern Chinese and Mongolian musicians in folk traditions, which are embodied in music in the form of sensual images.

Keywords: creativity, tradition, innovation, Chinese music, Chinese performing culture.

For citation: Aotgenhuar, Sum Baer, Kalinina G.N. 2021. Chinese music culture in the state educational policy of the people's Republic of China. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series. 46 (1): 179–184 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-1-179-184

Собственно исследованию специфики китайской культуры и цивилизации в современной российской философии и культурологии посвящено не так уж много текстов. Здесь следует назвать энциклопедии «Духовная культура Китая»¹ и «Китайская цивилизация» [Малявин, 2000]. При рассмотрении китайской музыкальной культуры как важной составляющей основных направлений государственной образовательной политики КНР необходимо раскрыть смысловые значения музыкально-исполнительского творчества. Феномен исполнительской культуры (и музыкально-исполнительского творчества) располагается на пересечении междисциплинарных линий и выступает объектом внимания целого комплекса отраслей знания, в ряду которых заметно выделяются психология, музыковедение, педагогика музыкального образования и др. При этом ощутим дефицит трудов в этих научных дисциплинах. С точки зрения генезиса и культурно-исторической идентификации феномена «исполнительской культуры» следует отметить, что в массиве литературы присутствует конкретизация отдельных составляющих исполнительской культуры [Файзрахманова, 2013; Рахимбаева, 2005; Бенюмов, 1985] и др. Также в последнее время появились специальные исследования в области психологии музыкально-исполнительского творчества [Бочкарев, 1997; Готсдинер, 1993; Цыпин, 1994; Петрушина, 2008] и по теории исполнительства [Алексеев, 1969; Баренбойма, 1989; Когана, 2004; Малинковская, 1990; Савшинский, 2002; Каузова, 1997; Живов, 2003] и др., на которые мы опираемся в интерпретации китайской музыкальной культуры.

Важно заметить, что музыкальная культура изначально входила в основания жизненного мира древней китайской цивилизации, но вобрала в себя и музыкальные традиции других культур, «постепенно ассимилировавшихся в Китайской империи, а также соседних народов, в частности Центральной Азии, и народов Индии, Греции, Ирана. В свою очередь китайская национальная музыка, за более чем двухтысячелетнюю историю генезиса не утратившая своей самобытности, оказала существенное влияние на музыкальную культуру и музыкально-теоретическую мысль стран Дальнего Востока – Кореи» [Ван Дон Мэй, 2004, с. 15]. Современный молодой китайский учёный пишет также и о связи музыки, философии и целостной китайской культуры: «Слово "юэ" (музыка) в Древнем Китае, как и в других странах Древнего мира, выражало довольно широкое по содержанию понятие, включающее поэзию и танцы, живопись, гравюру, архитектуру и даже церемониал, охоту и сервировку стола. Для музыкальной эстетики Китая и других цивилизаций в целом характерна тесная связь философских идей с мифологией, эпосом, поэзией... Помимо того, в древнем Китае музыка составляла важнейший элемент воспитания и входила в число наук, обязательных для изучения. Она непосредственно вытекала из ритуала, была неотделима от этики и всего того, что мы называем внутренней красотой или благородством. Благородство души воспитывалось прежде всего музыкой» [Ван Дон Мэй, 2004, с. 9]. Таким образом, правомерно говорить о специфическом понимании и значении музыки и музыкальной культуры в философии конфуцианства и древнем китайском государстве (официальная концепция «правильной музыки», юэ, неотрывно связана с древними космологическими представлениями и китайской

¹ См.: Духовная культура Китая. 2006. Под ред. Кобзева А.И. Энциклопедия В 5 т. Т. 1. Философия. Москва: 262–264.

«картиной мира»). Китайская музыкальная культура несла в себе специфическую качественную характеристику китайской культурно-цивилизационной системы, что сохраняется и в современной КНР.

В одном из своих определений исполнительская культура высокого уровня, мирового музыкального стандарта понимается как мера освоения музыкантом эмоционально-образного содержания образцов искусства. Ее фундамент базируется на трех основаниях: 1) качественная техническая база; 2) яркое исполнительское мастерство; 3) «соразмерность всех музыкальных элементов и качественных характеристик, соединенных в художественную целостность». Поэтому вполне логично при оценке уровня китайского исполнительства (и самого музыканта) пытаться объективно и адекватно исходить из приведенного нами понимания музыкальной исполнительской сферы и ее критериев-стандартов. М.И. Бенюмов пишет: «Музыкальное исполнение отличается от любых других видов исполнения прежде всего особой – звуковой, или, точнее, интонационной – предметностью, в которой осуществляется деятельность. Но как деятельность в интонационной предметности музыкальное исполнение есть вид интонирования и нуждается в дополнительном определении также и с этой стороны» [Beniumov, 2014, p. 467]. Обозначив ключевые посылки наших рассуждений, отметим, что основу основ классической китайской педагогики составила конфуцианская школа, которая намного предвосхитила базовые основания современной музыкально-образовательной системы Китая.

В XX в. развитие китайской образовательной системы претерпело ряд реформ, наиболее трагичной из которых было десятилетие «культурной революции» (1966–1976). В последние годы в связи с модернизацией всей социально-экономической и культурной системы КНР произошли существенные изменения и в музыкальном образовании. Во-первых, были расширены учебные программы с включением в них музыки различных стилей и форм, отражающей культурное и национальное многообразие Китая с множеством «малых культур». Во-вторых, введен единый государственный язык – пугунхуа, призванный объединить все многочисленные народности Китая в единую культурную целостность. И, наконец, с целью объединения различных культур на территории Китая было (помимо языковой реформы) обращено особое дополнительное внимание на высокую роль в жизни китайского общества и в образовательной системе общей для всех народностей традиционного искусства и философии.

Все эти мероприятия, с одной стороны, вне сомнения, имели положительный эффект для развития музыкального образования. Однако главное традиционное предназначение музыки продолжало декларироваться как функциональное, которое заключается в том, что она рассматривается преимущественно именно как средство обучения, что обедняет сам процесс музыкального образования и не дает полноценно подготовленного профессионала в музыкальной области. На наш взгляд, такой крен со стороны государства в «музыкальный функционализм» во многом объясняется тем, что в китайском обществе сегодня музыка служит не только достижению совершенства (по Конфуцию), но и политическим, прагматическим целям.

Каковы же особенности и основные проблемные зоны сегодняшнего школьного музыкального образования с учетом провозглашенного государственного курса, основные направления которого в музыкальной сфере мы обозначили выше? Е.А. Бодина пишет: «Именно восприятие музыки традиционно составляло основу обучения, и только в последнее время в уроки стали включаться элементы творчества. Характерно, что китайские педагоги придают решающее значение творческому процессу, хотя и не отрицают значение результата. Именно процесс позволяет развить творческий дух учеников, мотивировать их к активному обучению музыке» [Бодина, 2014, с. 102]. Исследователи, изучающие зарубежный опыт музыкального образования отмечают:

«Весьма показательна позиция китайских педагогов-музыкантов, которые считают, что «если мастерство не будет достигнуто рано, то оно может не быть достигнуто вообще»¹.

К определенным недостаткам в профессиональной сфере китайской музыкальной исполнительской культуры исследователи относят, прежде всего, некоторые типические пробелы, характерные в том числе и для сегодняшнего репертуара, в ряду которых назовем следующее:

ограниченный музыкальный фонд и недостаточная, можно сказать скудная, представленность полифонических сочинений, особенно опусов И.С. Баха, на общем фоне программного обучающего фортепианного репертуара (особенно это характерно для начальной стадии обучения исполнительской культуре в китайских музыкально-образовательных учреждениях;

технический крен обучения, то есть ориентация национальной методической базы на выработку, оттачивание и совершенствование игровой, исполнительской техники, включая отработку технических навыков при разучивании упражнений и этюдов, что, во-первых, уже само по себе носило ограниченный характер, поскольку ориентировало исполнителя не на полифонию (как это принято в мировых исполнительских техниках обучения), а формировало гомофонно-гармонический склад исполнения; и, во-вторых, наносило ущерб методикам, отдающим в обучающих практиках приоритеты художественному репертуару, фортепианной литературе, отодвигая комплексные мировые методики на периферию обучения (они обычно заменялись штудированием различных Школ экзерсисов, например, «Фортепианный учебник» С. Томпсона и столь же обязательный учебник Ф. Бейера; со временем к ним подключались этюды К. Черни).

Одним из негативных следствий такой технически-ориентированной, «узкой» обучающей установки, несомненно обедняющей общий кругозор музыканта, становился 1) слабый уровень погружения в историю, теорию музыки; 2) отсутствие целевого интереса (и заинтересованной мотивации) к получению самостоятельного объема знаний, дополняющих и расширяющих музыкальный кругозор; 3) невысокий уровень знания мировой классической музыкальной литературы с точки зрения ее художественной важности в области музыкального исполнения; 4) глубокое знакомство с мировым классическим наследием становилось прерогативой более зрелого возрастного контингента. Разумеется, все это не способствует постижению музыкальной полифоничности, выработке дисциплины музыкального мышления и исполнительской манеры китайских музыкантов, на что указывают многие китайские исследователи [Ван Бинжао, Юань Гохуа. 1994; Сун Эньжун. 1995; Хэ Дунчан. 1996; Чэнь Сюэсюнь. 1986].

Резюмируя изложенное, отметим, что указанные противоречия позволяют нам пока еще предварительно указать на не вполне удовлетворительные условия для развития исполнительской культуры, отсутствие современных эффективных способов и методик ее повышения и развития, а также на слабое внедрение инновационных организационных форм развития исполнительской культуры среди обучающейся молодежи.

Список литературы

1. Алексеев А.Д. 1969. Русская фортепианная музыка. Конец XIX – начало XX в. М.: Наука. 391 с.
2. Баренбойм Л.А. 1989. За полвека: Очерки, статьи, материалы. Ленинград, Советский композитор. 365 с.
3. Бенюмов М.И. 1985. Функции художественных средств музыканта-исполнителя. Красноярск, [б. и.]. 79 с.

¹ См.: Как учат музыке за рубежом. 2009. Сост., авт. предисл. Д. Дж. Харгривз, А.К. Норт. Москва. с. 74.

4. Бодина Е.А. 2014. Проблема результативности музыкального образования в современной зарубежной педагогике. Известия ВГПУ, 3 (264): 102–105.
5. Бочкарев Л.Л. 1997. Психология музыкальной деятельности. М., ИПРАН, 350 с.
6. Ван Дон Мэй. 2004. Великий шелковый путь в истории китайской музыкальной культуры. Автореферат дис. ... канд. Искусствоведения. 17.00.02: музыкальное искусство. СПб. 27 с.
7. Готсдинер А.Л. 1993. Музыкальная психология. М., Малое изд. предприятие NB Магистр, 190 с.
8. Живов В.Л. 2003. Хоровое исполнительство: Теория. Методика. Практика. М., ВЛАДОС. 270 с.
9. Каузова А.Г. 1997. Развитие полифонического слуха учащегося-пианиста в процессе работы над современным репертуаром. М., Прометей. 63 с.
10. Коган Г. М. 2004. У врат мастерства. М., Классика-XXI, 133 с.
11. Малинковская А.В. 1990. Фортепианно-исполнительское интонирование. М., Музыка. 186 с.
12. Малявин В.В. 2000. Китайская цивилизация. М., Издательство Апрель, ООО «Издательство АСТ». 632 с.
13. Малявин В.В. 2005. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М., Европа, 304 с.
14. Петрушин В.И. 2008. Музыкальная психология. Москва: Трикта: Академический проект. 398 с.
15. Рахимбаева И.Э. 2005. Художественная культура. Саратов, Научная книга. 87 с.
16. Савшинский С.И. 2002. Пианист и его работа. М., Классика-XXI, 239 с.
17. Файзрахманова Л.Т. 2013. Становление и развитие музыкально-педагогического образования в Татарстане: XIX-XX вв.: автореферат дис. ... доктора педагогических наук Какзань, Изд-во: Ин-т педагогики и психологии профессионального образования РАО. 38 с.
18. Цыпин Г.М. 1994. Психология музыкальной деятельности: проблемы, суждения, мнения. М., Интерпракс. 373 с.
19. Chen Xuexun. 1986. Materials for teaching the modern history of education in China. In: 3 t. Beijing. People's Pedagogical Publishing House. (in Chinese)
20. He Dongchang. 1996. Education in modern China. In: 2 t. Beijing: Modern China Publishing House. (in Chinese)
21. Mikhail I. Beniumov. 2014. On the Concept of Musical Performance. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 3. (in English)
22. Sun Enjun. 1995. Essays on the study of modern teachers in China. In: 25 T. Shenyang. Pedagogical Publishing House of Liaoning Province. (in Chinese)
23. Wang Bingzhao, Yuan Guohua. 1994. General History of Pedagogical Thought in China. In: 8-mi T. Changsha. Educational Publishing House of Hunan Province. (in Chinese)

References

1. Alekseyev A.D. 1969. Russkaya fortepiannaya muzyka. Konets XIX – nachalo XX v. [Russian piano music. Late 19th – early 20th century]. М., Publ. Nauka. 391 p. (in Russian)
2. Barenboym L.A. 1989. Za polveka: Ocherki, stat'i, materialy [For half a century: Essays, articles, materials]. Leningrad, Sovetskiy kompozitor. 365 p. (in Russian)
3. Benyumov M.I. 1985. Funktsii khudozhestvennykh sredstv muzykanta-ispolnitelya [Functions of the artistic means of the musician-performer]. Krasnoyarsk, [b.i.]. 79 p. (in Russian)
4. Bodina E.A. 2014. Problema rezul'tativnosti muzykal'nogo obrazovaniya v sovremennoy zarubezhnoy pedagogike [The problem of the effectiveness of music education in modern foreign pedagogy]. Izvestiya VSPU. No. 3 (264): 102–105 (in Russian)
5. Bochkarev L.L. 1997. Psikhologiya muzykal'noy deyatelnosti [Psychology of Musical Activity]. М., Publ. IPРАН. 350 p. (in Russian)
6. Wang Dong Mei. 2004. The Great Silk Road in the history of Chinese musical culture. Abstract of the dis. ... cand. art criticism / 17.00.02 musical art. St. Petersburg. 27 p. (in Russian)
7. Gotsdiner A.L. 1993. Muzykal'naya psikhologiya [Musical Psychology]. М., Publ. NB Магистр, 190 p. (in Russian)

8. Zhivov V.L. 2003. Khorovoye ispolnitel'stvo: Teoriya. Metodika. Praktika [Choral Performance: Theory. Methodology. Practice]. M., Publ. VLADOS. 270 p. (in Russian)
9. Kauzova A.G. 1997. Razvitiye polifonicheskogo slukha uchashchegosya-pianista v protsesse raboty nad sovremennym reperturom [Development of the polyphonic ear of a student-pianist in the process of working on a modern repertoire]. M., Publ. Prometey. 63 p. (in Russian)
10. Kogan G. M. 2004. U vrat masterstva [At the gates of mastery]. M., Publ. Klassika- XXI. 133 p. (in Russian)
11. Malinkovskaya A.V. 1990. Fortepianno-ispolnitel'skoye intonirovaniye [Piano-performing intonation]. M., Publ. Muzyka. 186 p. (in Russian)
12. Malyavin V.V. 2000. Kitayskaya tsivilizatsiya [Chinese civilization]. M., Publ. Aprel', AST. 632 p. (in Russian)
13. Malyavin V.V. 2005. Kitay upravlyayemyy. Staryy dobryy menedzhment [China is managed. Good old management]. M., Publ. Yevropa, 304 p. (in Russian)
14. Petrushin V.I. 2008. Muzykal'naya psikhologiya [Musical Psychology]. Moskva: Publ. Triksa: Akademicheskiiy proyekt. 398 p. (in Russian)
15. Rakhimbayeva I.E. 2005. Khudozhestvennaya kul'tura [Artistic Culture]. Saratov Publ. N auchnaya kniga. 87 p. (in Russian)
16. Savshinskiy S.I. 2002. Pianist i yego rabota [The pianist and his work]. M., Publ. Klassika- XXI. 239 p. (in Russian)
17. Fayzrakhmanova L.T. 2013. Stanovleniye i razvitiye muzykal'no-pedagogicheskogo obrazovaniya v Tatarstane: XIX–XX vv.: avtoreferat dis. ... doktora pedagogicheskikh nauk [Formation and development of music and pedagogical education in Tatarstan: XIX–XX centuries: abstract of dis. ... Doctors of Pedagogy] Kakzan', Publ. In-t pedagogiki i psikhologii professional'nogo obrazovaniya RAO. 38 p. (in Russian)
18. Tsypin G.M. 1994. Psikhologiya muzykal'noy deyatel'nosti: problemy, suzhdeniya, mneniya [Psychology of Musical Activity: Problems, Judgments, Opinions]. M., Publ. Interpraks, 373 p. (in Russian)
19. Chen Xuexun. 1986. Materials for teaching the modern history of education in China. In: 3 t. Beijing. People's Pedagogical Publishing House (in Chinese)
20. He Dongchang. 1996. Education in modern China. In 2 Vol. Beijing: Modern China Publishing House (in Chinese)
21. Mikhail I. Beniumov. 2014. On the Concept of Musical Performance. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 3 p. (in English)
22. Sun Enjun. 1995. Essays on the study of modern teachers in China. In: 25 T. Shenyang. Pedagogical Publishing House of Liaoning Province (in Chinese)
23. Wang Bingzhao, Yuan Guohua. 1994. General History of Pedagogical Thought in China. In 8 Vol. Changsha. Educational Publishing House of Hunan Province (in Chinese)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Калинина Галина Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Сум Бэр, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

Аотгенхуар, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina N. Kalinina, Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Sum Baer, Postgraduate student in the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Aotgenhuar, Postgraduate student in the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science at the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia